

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

На правах рукописи

ЗАГИДУЛЛИН Жан Каримович

**ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ ЗНАНИЙ
В ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКЕ**

Специальность: 09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва - 2012

Работа выполнена в секторе теории познания Института философии
Российской академии наук

Научный руководитель:

Доктор философских наук, профессор

Кузнецова Наталья Ивановна

Официальные оппоненты:

Доктор философских наук, профессор **Никифоров Александр Леонидович**

Доктор философских наук, профессор **Сокулер Зинаида Александровна**

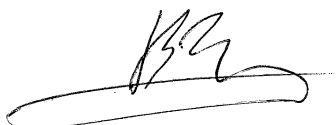
Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), кафедра онтологии, логики и теории познания факультета философии

Защита состоится «18» декабря 2012 г. в 15.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.015.03 Института философии РАН по адресу: Москва, Волхонка, 14/1 стр.5, зал заседаний Ученого совета.

Автореферат разослан «15» ноября 2012 г

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор философских наук

В.И. Шалак

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Один из основных и широко исследуемых в теории познания круг вопросов связан с изучением строения и организации научных знаний, механизмов производства и обращения знаний в науке, в частности, вопросы специфики знаний в естественных и социально-гуманитарных дисциплинах.

Бурный рост научных работ в социально-гуманитарной сфере, развитие междисциплинарных исследований и расширение запросов практики к этому типу наук выдвинул на передний план вопросы методологии и эпистемологического анализа научного познания в социально-гуманитарных дисциплинах. Перспективы их развития сегодня связывают с выявлением специфики и особенностей строения, движущих сил и перспективных форм организации научных знаний.

Вышесказанное определяет актуальность настоящего диссертационного исследования, которое посвящено вопросу строения знаний в психологии как науке. Психология в настоящем исследовании рассматривается как своего рода «модельный случай», где буквально сконцентрированы ключевые проблемы современного развития социально-гуманитарных наук. Речь идет прежде всего о таких нерешенных проблемах, как научный статус теорий социально-гуманитарных дисциплин, междисциплинарность и трансдисциплинарность, дискордантность практической и теоретической частей науки, трудности организации неклассических и постнеклассических исследований (в терминологии В.С. Степина), развитие дисциплины в условиях осознания кризиса оснований науки и разрушения ее привычного дисциплинарного облика.

Степень разработанности темы

Проблематика знания в различных науках детально и развернуто разрабатывается в философской литературе, и занимает одну из основных тем теории познания. Среди ключевых авторов, заложивших основы понимания науки в целом и специфики научного познания, следует назвать Р. Декарта, Д. Юма, И. Канта, Г. Гегеля, И. Фихте.

В середине XIX – начале XX веков разработка этой темы смещается от общих вопросов научного мышления к рассмотрению проблемы специфики самих научных знаний, исследуемых на материале математики и дисциплин естественнонаучного цикла. В это время создают свои работы такие философы, реализующие программы первого, второго и третьего (логического) позитивизма, как Дж. Милль, О. Конт, Г. Спенсер, Э. Мах, Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Р. Карнап и др. Эти исследования во многом задают образец

философского эмпирического исследования науки и научных знаний, реализуя идеал теории познания как специфической рефлексии науки и научной практики, но без метафизических «надстроек» (средствами самого естествознания и логики). Тогда же в рамках программы позитивистского исследования науки ставится вопрос о способах систематизации знаний в науке и «правильной» классификации научных дисциплин, обеспечивающих единство науки.

Во второй половине XX века разработки философов сосредотачиваются на оформлении модельных представлений о науке и выявлении конкретных механизмов порождения научных знаний, а также на вопросах о специфике различных эпистемических образований – таких, как научная теория, исследовательская программа, дисциплинарная матрица, научное сообщество. Базовыми для этого этапа развития философских и эпистемологических представлений о науке являются работы К. Поппера, И. Лакатоса, Т. Куна, П. Фейерабенда, М. Полани.

Параллельно этому процессу в конце XIX – середине XX века, начиная с работ неокантианцев и философов-феноменологов, складываются представления о специфике социально-гуманитарных наук, особенностях гуманитарного мышления, а также об институциональных механизмах воспроизводства такого типа мышления и социальной природе научного познания. Эту линию представляют такие философы, как П. Наторп, В. Дильтей, К. Штумпф, Г. Риккерт, С. Франк, Ф. Brentano, Э. Гуссерль, Г. Шпет, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Р. Мертон, Р. Коллинз, Ж. Кангилем, Э. Goldman, М. Куш, Р. Харре и др.

В свою очередь разработки этой проблематики во второй половине XX века, в том числе в отечественной философии науки и эпистемологии, были сосредоточены на представлении научного познания как деятельности по производству новых знаний, на анализе тенденций развития дисциплинарной организации науки, конкретных кейсов научных дисциплин, что привело к уточнению и проблематизации выработанных ранее модельных представлений о науке. В числе ключевых философов этой группы, а также важных в контексте настоящего диссертационного исследования, следует назвать В.В. Васильева¹, Д.И. Дубровского², В.А. Лекторского³, Л.А. Микешину⁴, А.Л. Никифорова⁵, А.П. Огурцова⁶, Б. И. Пружинина⁷, В.М. Розина⁸, З.А. Сокулер⁹, В.С. Степина¹⁰, В.С. Швырева¹¹, Г.П. Щедровицкого¹², Э. Г. Юдина¹³.

¹ *Васильев В.В.* Философская психология в эпоху Просвещения. М.: Канон+, 2010.

² *Дубровский Д.И.* Психические процессы и мозг. М.: Наука. 1971.

³ *Лекторский В.А.* Философия. Познание. Культура. М.: Канон-плюс. 2012.

⁴ *Микешина Л.А.* Философско-методологические проблемы психологической науки // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / Под ред. В.В. Миронова. М.: Гардарики, 2007. С.583-593.

⁵ *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. М.: Идея-Пресс. 2006.

Для настоящего исследования особое значение имеет теория социальных эстафет и модель науки, разработанная известным российским философом М.А. Розовым¹⁴ и его последователями – Н.И. Кузнецовой¹⁵, Л. С. Сычевой¹⁶, С.С. Розовой¹⁷.

Наконец, при выполнении диссертационного исследования в качестве эмпирического материала использовалась психологическая литература, представляющая различные разделы научной психологии: экспериментальная, общая, социальная, клиническая, педагогическая психологии, история психологии, нейропсихология, психоанализ, психофизиология. В диссертации анализируются концепции, теории, исследования и эксперименты следующих зарубежных и советско-российских ученых-психологов: Г.Ю. Айзенк, В. М. Аллахвердов, А. Анастаси, В.А. Барабанщиков, Н.А. Бернштейн, Л. Бинсвангер, Е.Г. Боринг, Ф.Е. Василюк, Б.М. Величковский, В. Вундт, Л.С. Выготский, Л. Гараи, Ю.Б. Гиппенрейтер, Р.Р. Гринсон, В. В. Давыдов, А.Н. Ждан, Б.В. Зейгарник, В. П. Зинченко, Р.М. Йеркс, М. Кечке, Х. Кёхеле, Т.В. Корнилова, М. Коул, С. Кох, Э. Крепелин, Д. Кэмпбелл, В.В. Лебединский, К. Левин, К. Леонгард, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А. Р. Лурия, Х.Е. Люк, В.А. Мазиллов, Б. Г. Мещеряков, Р. Мэй, О.С. Никольская, И.П. Павлов, А. В. Петровский, Ж. Пиаже, А.А. Пископфель, К.К. Платонов, А.А. Пузырей, Д.Н. Робинсон, К. Роджерс, С. Л. Рубинштейн, С.Д. Смирнов, Э.Б. Титченер, Х. Томэ, Э.К. Толмен, А.М. Улановский, Дж. Уотсон, З. Фрейд, Г. Эббингауз, А. В. Юревич, М. Г. Ярошевский.

⁶ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. В 3 частях. СПб.: Мир, 2011.

⁷ Пружинин Б. И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009.

⁸ Розин В.М. Эпистемологический статус психологических теорий // Методология науки и антропология / Отв. ред. О.И. Генисаретский. М.: ИФ РАН, 2012. С.59-87.

⁹ Сокулер З.А. Специфика гуманитарных наук // Философия науки / Под ред. А.И. Липкина. М.: ЭКСМО. 2007. С.287-316.

¹⁰ Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995; Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция. 2005.

¹¹ Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984.

¹² Щедровицкий Г.П. Философия. Методология. Наука. М.: Наука. 1997.

¹³ Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: УРСС, 1997.

¹⁴ Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977; Он же. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008.

¹⁵ Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (методологические проблемы). М.: Наука, 1982; Она же. Научная рефлексия как объект историко-научного исследования // Проблема рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск: Наука. 1987. С.213-221; Она же. Социокультурные проблемы формирования науки в России. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

¹⁶ Сычева Л. С. Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. Новосибирск: Наука, 1984.

¹⁷ Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986.

Цель и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является выявление посредством философско-эпистемологического анализа особенностей строения знаний в современной научной психологии. Предполагается проводить анализ как конкретных психологических знаний, так и различных научных теорий и форм организации целостных систем знаний в психологии.

Для достижения указанной цели в диссертации были определены следующие задачи:

1) рассмотреть работы зарубежных и российских философов по эпистемологическому анализу научной психологии, специфики мышления психологов, особенностей психологии как науки с целью определения основных представлений о научной психологии в философии;

2) реконструировать трудности философского анализа научной психологии, на базе чего сформулировать ключевые требования и концептуальные рамки проводимого в диссертации исследования;

3) с учетом вышеназванных требований, а также используя концептуальный аппарат теории социальных эстафет, исследовать совокупность научных знаний, образцовых научных теорий, концепций и сведений из различных отраслей психологии с целью выявления особенностей строения элементарного научного знания, специфики научных теорий и наукообразующих программ в психологии, а также роли внутринаучной рефлексии ученых-психологов;

4) на основе результатов эпистемологического анализа сформулировать основные проблемы систематизации знаний в психологии, трудности обеспечения их когерентности и наметить перспективы построения целостной системы знаний в психологии как науке.

Объектом настоящего исследования является особенности строения знаний в психологии как науке.

Предметом исследования являются эстафетные структуры, определяющие особенности строения научных знаний, научных теорий и наукообразующих программ в психологии, а также роль внутринаучной рефлексии ученых-психологов.

Теоретико-методологическая база

Методологической основой настоящего исследования выступают концептуальный аппарат и эстафетная модель науки, заданные в теории социальных эстафет известного российского философа М.А. Розова. В основе этой эстафетной модели лежит представление о науке как социальном куматоиде (от греческого слова *kuma* – волна), реализующим различные

социальные программы на постоянно сменяемом человеческом материале. В ядре так понятой науки лежит осуществление двух ключевых типов программ – исследовательских (получение знаний) и коллекторских (систематизация знаний). Наука рассматривается как механизм централизованной социальной памяти, где системообразующим для производства научных знаний является процесс воспроизводства непосредственных и вербализованных образцов поведения и деятельности ученых. Важной спецификой науки являются то, что ее следует рассматривать как систему с рефлексией: фиксируя результаты своих исследований, ученый одновременно строит описание своих действий для дальнейшего их воспроизведения. Это задает методологические требования к философскому анализу науки, в частности, установку на построение отличной от рефлексии ученого эпистемологической картины жизни знаний и науки в целом.

Положения, выносимые на защиту

1) Эпистемологическое исследование строения знаний в психологии как науке предполагает анализ структуры элементарного научного знания, особенностей научной теории и наукообразующих программ (исследовательских и коллекторских), а также выявление характера внутринаучной рефлексии ученых-психологов. Современная философия достаточно часто и разнообразно анализировала психологию, однако не с точки зрения процесса производства научных знаний, что может быть компенсировано за счет использования концепции социальных эстафет М.А. Розова для анализа строения знаний в психологии как науке;

2) Исследование показало, что на уровне элементарного научного знания психология является полноценной научной дисциплиной, в которой решен вопрос о референции и репрезентации знаний. Психология ввела в общенаучный оборот новый тип референции знаний – «методический» референт, где в роли представления объекта знания используется стандартизированная методика (психологические тесты, методика толкования сновидения, айтрекинги, психосемантические поля);

3) Сегодня в психологии идет интенсивная и последовательная работа по переводу «инквизитных» и «квазиэксквизитных» теорий в «эксквизитные» (в терминологии концепции М.А. Розова). Проанализированы три типа научных теорий в психологии («классификационные», «псевдогенетические» и «факторные»), из которых только «факторная теория» может претендовать на статус эксквизитной (развитой) научной теории. Выявлено, что важнейшими источниками образцов для построения теорий в психологии являются психоанализ, физиология и медико-биологические практики (психиатрия, дефектология, нейрохирургия).

4) Исследование зафиксировало, что на уровне наукообразующих программ психология демонстрирует «ослабленный» вариант научности: в ней практически отсутствуют программы, обеспечивающие когерентность (взаимную согласованность) научных знаний. В психологии распространены всего три программы относительной систематизации знаний: таксономия объектов психологии (взрослый, ребенок, больной, животное), история дисциплины и сопряженная с ней систематика психических процессов, состав и специфика которых обоснованы исторически (восприятие, память, мышление, эмоции, воля и т.п.). Показано, что организация знаний в психологии и ее дисциплинарное разделение имеет архаичный характер, что не способствует аккумуляции научных знаний и плодотворной кооперации ученых;

5) Установлено, что внутринаучная рефлексия ученых-психологов имеет характер «стоп»-рефлексии, т.е. ориентирована на интеллектуальное оправдание научного статуса психологии. Кроме того, слабость инфраструктуры производства научных знаний в психологии не воспринимается учеными-психологами как проблема развития психологии. Перспективы совершенствования психологии как науки напрямую зависят от возможности изменения организации знаний в психологии (за счет новых коллекторских программ), смены типа рефлексии ученых-психологов и целенаправленного развития научной инфраструктуры.

Научная новизна исследования

В настоящее время в российской и зарубежной философии совершенно недостаточно исследований, специально посвященных изучению специфики знаний в психологии как науке. Попытки объяснить эту специфику на основе выявления тех или иных эпистемологических факторов, а также провести анализ конкретных механизмов функционирования психологии, и вовсе отсутствуют.

Смысл данной работы заключается в осуществлении систематического философско-эпистемологического анализа строения знаний в психологии как науки, а также в демонстрации эвристичности теории социальных эстафет для анализа социально-гуманитарных наук.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что продемонстрирована эвристичность применения эстафетной модели науки к психологии. В конечном итоге представлен детальный анализ особенностей строения научных знаний, специфики референции и репрезентации, уровень развитости психологических теорий и коллекторских программ, а также роль

внутринаучной рефлексии ученых-психологов в становлении психологии как полноценной научной дисциплины.

Результаты исследования могут способствовать более углубленному пониманию проблем развития, преемственности и аккумуляции знаний в социально-гуманитарных науках, а также возможных путей систематизации знаний в психологии. Результаты также могут быть использованы как в научно-философском исследовании (при изучении проблем и специфики социально-гуманитарных наук), так и в преподавании (в рамках дисциплин «Онтология и теория познания», спецкурсов по философским и методологическим проблемам психологии), а также в процессе совершенствования программ и тематических планов учебных дисциплин социально-гуманитарного цикла.

Апробация работы

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Сектора теории познания Института философии Российской Академии Наук 06 ноября 2012 г.

Основные идеи и результаты работы отражены в научных публикациях автора (журналы ВАК):

1. Проблема неявного знания в подготовке ученого // Высшее образование в России. 2012. №12. – 0,7 а. л.
2. Эпистемологический анализ психологии как науки // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6 (44). – 0,8 а. л.
3. Психология в оптиках философского анализа // Вопросы философии (принято в печать) – 1,0 а. л.

Также отдельные положения диссертации освещались соискателем в выступлениях и публикациях тезисов выступлений:

4. на VI Российском философском конгрессе «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» в Нижнем Новгороде (июнь 2012) в двух сообщениях – «*Психология в оптиках философии науки*» и «*Особенности организации знаний в психологии как науки*», по итогам форума опубликованы тезисы (0,05 а. л.);
5. на юбилейной конференции «Философия и парадигмы современной науки» Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (декабрь 2011) в докладе «*Организация знаний в психологии как науке*», по итогам конференции опубликованы тезисы (0,05 а. л.);
6. на III Всероссийской конференции «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» МИРЭА (ноябрь 2009) в докладе «*Особенности строения и организации знаний в психологии*», по итогам конференции опубликованы тезисы (0,01 а. л.), а также выступление Загидуллина Ж.К. признано лучшим на секции и награждено Почетной грамотой конференции.

Структура диссертации

Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и списка литературы, насчитывающего 269 позиций. Общий объем диссертации – 125 стр.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее научной разработанности, формулируются цель и основные задачи, раскрывается научная новизна, теоретико-методологическое обоснование, теоретическая и практическая значимость диссертации, а также приводятся основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава – **«Психология в оптиках философского анализа»** посвящена анализу основополагающих работ российских и зарубежных философов, проводивших эпистемологический анализ научной психологии, специфики мышления психологов, особенностей психологии как науки.

В первом параграфе **«Психология как объект философского анализа»** демонстрируется богатство палитры отношений между философией и психологией: от надежд философов Просвещения на то, что психология станет эмпирической практикой проверки философских идей до создания в начале XX века «профсоюза чистых философов», выступивших против присутствия психологов в немецких университетах; от отрицания необходимости такой дисциплины в общей классификации наук (О. Конт) до тезиса о том, что сама философия есть лишь раздел психологии (У. Куайн).

В параграфе делается ряд уточнений предмета диссертационного исследования: автором не рассматриваются попытки философов спроектировать «свою» философскую психологию (философские проекты психологии Ф. Brentano, В. Дильтея, Э. Гуссерля, А. Мейнонга, Т. Липпса и С. Франка). За рамками анализа оставлены также бурно развивающиеся в последние 40-50 лет исследования в области философии сознания, связанные со стремлением обойтись без научной психологии в решении онтологических проблем философии сознания («mind-body problem» или структура сознательного опыта).

В параграфе проанализированы различные версии философского анализа психологии, и эти версии выделены в четыре группы: *проектный, социологический, категориальный и прагматический анализ*.

Во втором параграфе **«Психология как проект научной дисциплины»** дается анализ взглядов историков философии и науки на психологию *как проект*, как замысел по созданию научной или философской дисциплины. Рассмотрены результаты исследования французского философа и историка науки Ж. Кангилема, который в 1956 году проанализировал варианты создания психологии с точки зрения того, на каких философских

идеях они построены и способны ли «сообщить вероятностное единство дисциплинам различных типов, называемых психологическими»¹⁸.

Кроме того, рассмотрена работа заведующего кафедрой зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.В. Васильева, который проанализировал «проекты создания философской психологии как науки о первоначалах душевной жизни» философами Просвещения – Х. Вольфом, Д. Юмом, И. Тетенсом и И. Кантом, постаравшись выделить «облик философского учения о душе», что, по его мнению, «являет собой главное достижение психологии XVIII века»¹⁹.

В параграфе сформулирована специфика проектного анализа, которая состоит в том, что историком рассматривается *замысел* создания психологии, без учета результатов *реализации такого проекта*. Определены трудности понятийной базы проектного анализа, связанные с понятием «проект научной дисциплины».

В третьем параграфе «**Психологическая наука как социальный институт**» анализируется способ рассмотрения психологии в социологии науки – т.е. *сквозь призму социальных процессов*. Социологами исследуются реальные и объективно зафиксированные факты создания и развития научной дисциплины. Например, в работе классиков социологии Р. Коллинза и Дж. Бен-Дэвида²⁰ проанализировано становление научной психологии в Германии, Франции, Англии и США за сто лет (с 1850 г. по 1950 г.). В этом же параграфе рассмотрено исследование философа из Эдинбургского университета Мартина Куша, который расценивает совокупность психологических знаний как социальные институты, «имеющие совершенно такую же форму существования как и супружество, деньги или монархия»²¹. В параграфе определена специфика социологического взгляда на психологию, состоящая в том, что детерминанты существования психологии сводятся к *не-эпистемическим факторам* (борьбе за социальные ресурсы).

В четвертом параграфе «**Категориальный анализ психологии**» рассматривается достаточно традиционный для философии анализ психологии с точки зрения общих, категориальных характеристик предмета психологии или мышления психологов с целью сравнения их с другими науками и философскими дисциплинами. Одна из традиций такого анализа занята разграничением предметов логики, эпистемологии и психологии (К.

¹⁸ Кангилем Ж. Что такое психология? Выступление на конференции 18 декабря 1956 г. в философском колледже в Париже // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. №1. С.225.

¹⁹ Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. М.: Канон+, 2010. С.498.

²⁰ Бен-Дэвид Дж., Коллинз Р. Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии // Логос. 2002. №5-6 (35). С. 79-103.

²¹ Kusch M. Psychological Knowledge: A Social History and Philosophy. L&NY: Routledge, 1999. P.1.

Штумпф, А. Введенский, Г. Челпанов, П. Наторп, К. Гемпель, Э. Голдман) и ориентирована на определение способов того, как эпистемология может *обойтись без психологии* и избежать опасности психологизма. Другая традиция занимается уточнением специфики разных типов наук: «наук о духе» и «наук о природе», объяснительных и описательных дисциплин (В. Дильтей, Г. Риккерт, К. Левин, Л. Микешина). В ней решается вопрос о месте психологии в кругу других социально-гуманитарных дисциплин. Особенность категориального взгляда на психологию состоит в том, что рассуждения о психологии с равным успехом можно отнести к большинству социально-гуманитарных наук (социология, политология, экономика).

Здесь же рассмотрены другие попытки категориального анализа психологии: например, попытки лидера позитивизма Р. Карнапа доказать возможность перевода предложений психологии в предложения физики, что нужно для того, чтобы завершить рисуемую им картину «единства науки». Также в параграфе рассмотрен вариант анализа психологии со стороны современного британского философа Р. Харре²², который возрождает старую идею о проектировании «правильной» – дискурсивной – психологии, которая должна осмыслять бытовую речь и языковые штампы.

В параграфе также рассмотрена попытка методологического анализа научной психологии российским методологом и философом Г.П. Щедровицким²³, который критиковал интеллектуальные средства и понятия (предмет и метод), в которых психологи рефлексиируют свое состояние. На его взгляд, психологию следует представлять как сложную «сферу мыследеятельности», для анализа которой необходимо использовать совершенно иные понятия и категории (сфера, мыследеятельность).

В завершение автор обращает внимание на то, что группа категориального анализа имеет характерную черту: в качестве средств анализа психологии используются слишком общие, высоко абстрактные категории, что в итоге дает такой же обобщенный, абстрактный взгляд на анализируемую психологию.

В пятом параграфе **«Прагматический анализ психологии»** рассмотрены взгляды философов, которые, несмотря на разность концептуальных оснований, считают, что психология и философия взаимно полезны. Так, основатель генетической эпистемологии Жан Пиаже писал, что логика и эпистемология, разрабатывая представления о логических операциях правильного мышления, создают теоретическую базу для психологии. Он также считал, что психология могла бы стать научной практикой, способной «верифицировать вопросы, поднимаемые

²² Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VI. №4. С. 38-63.

²³ Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Том 2. Вып.3. С. 133-151.

эпистемологическими теориями»²⁴. Другой пример прагматического отношения к психологии представлен в работах известного российского философа, академика РАН и руководителя сектора теории познания Института философии РАН В.А. Лекторского, который выделяет две группы концепций, обогативших философию: психоанализ Зигмунда Фрейда и экологическую теорию зрительного восприятия Джеймса Гибсона²⁵.

В параграфе также проанализирована позиция о том, что психология целиком и полностью выстроена как реализация философских идей: по мнению профессора Оксфордского университета Д. Робинсона, «психология является “примечанием” к современной интеллектуальной истории философии»²⁶. Кроме того, исследователи феноменологического направления считают, что философия разрабатывает методы и приёмы мышления, которые потом используются в психологии.

В завершение параграфа сформулирована мысль, что прагматический анализ привнёс в философию стремление преодолеть абстрактность категориального взгляда и установку на то, что именно *содержание* концепций психологов достойно философского анализа.

В шестом параграфе **«Проблемы философского анализа психологии как науки»** по итогам исследования существующих взглядов философов автор формулирует основные трудности и проблемы эпистемологического анализа психологии.

Так, проектный анализ, проводимый историками философии, игнорирует реалии производства и обращения научных знаний в психологии, что объясняется отсутствием модели науки и понятия «проект научной дисциплины». Социологический анализ психологии и вовсе исключает из своего рассмотрения эпистемические факторы становления научной психологии, так как все объясняет социальными процессами. Казалось бы, категориальный анализ должен преодолеть трудности проектного и социологического анализа: и категории ясны, и психология рассматривается как «эпистемическое предприятие». Однако взгляд на психологию с высоты общих понятий не позволяет увидеть специфику знаний. В свою очередь, прагматический анализ дает обратный эффект: погружаясь в содержательную «материю», игру идей и концепций, он теряет видение психологии как науки.

Исходя из этого, автор формулирует требования к диссертационному исследованию:

1) в качестве эмпирического материала для анализа следует брать образцы знаний и научных теорий, активно используемые психологами;

²⁴ Пиаже Ж. Генетическая эпистемология // Вопросы философии. 1993. №5. С.58.

²⁵ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

²⁶ Робинсон Д.Н. Интеллектуальная история психологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 2005. С.412.

2) рассматривать только те образцы, которые получили признание в психологическом научном сообществе (например, должны быть упомянуты не менее чем в двух независимых академических источниках);

3) средствами эпистемологического анализа должны быть «теория среднего уровня» (по Р. Мертону), т.е. она должна позволять строить представления, применимые для анализа конкретных случаев и в то же время относительно научной психологии в целом. Важно при этом, чтобы понятийный аппарат был сопряжен с конкретной моделью науки, где бы нашлось место не только образцам научных текстов, но и рефлексии ученых, и иным практическим аспектам производства научных знаний;

4) создаваемая картина жизни научных знаний в психологии не должна заимствовать тексты рефлексии самих ученых-психологов, а должна строить свою философско-эпистемологическую действительность рассуждений.

Помимо прочего, чтобы решить вопрос о том, какие именно отрасли и направления психологии следует считать научными, автор предлагает для анализа рассматривать те отрасли психологии, по которым присваиваются научные степени (см. приказ №59 от 25.02.2009 г. Министерства образования и науки России).

Во второй главе **«Эпистемологический подход к анализу психологии»** представлен анализ структуры элементарного научного знания в психологии (референция и репрезентация), особенности научных теорий и наукообразующих программ (исследовательских и коллекторских), а также исследован характер внутринаучной рефлексии ученых-психологов.

В первом параграфе **«Модель науки в теории социальных эстафет»** сформулированы методологические принципы и положения проводимого эпистемологического анализа научной психологии: излагается концепция социальных эстафет российского философа М. А. Розова и эстафетная модель науки, разработанная на базе этой же теории²⁷.

Знание, по Розову, есть вербализация содержания образцов деятельности. Структура элементарного научного знания состоит из эстафет *референции*²⁸ (представление объекта знания) и *репрезентации* (содержание

²⁷ Розов М.А. Наука как традиция // Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. С. 70-190; *Он же*. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008.

²⁸ Мы понимаем *референцию* – не как традиционная семантика или аналитическая философия, т.е. не как отнесенность языковых выражений к предметной действительности см. Куайн У. Заметки по теории референции // Куайн У. С точки зрения логики. М.: Канон+. 2010. С;188-199. Для нас референция – это способ представления объекта исследования в знании (в некотором смысле это противоположная интеллектуальная операция). С учетом того, что знания мы рассматриваем не только как совокупность языковых выражений, но и как комплекс лингвистических и экстралингвистических эстафет, то и референция становится объединением как лингвистических, так и

знания в форме целостного акта деятельности с объектом знания).

Важной спецификой науки, по мнению Розова, является то, что ее следует рассматривать как систему с рефлексией: фиксируя результаты исследований, ученый одновременно строит описание своих действий для дальнейшего их воспроизведения. Это задает требования к философскому анализу, в частности, установку на построение отличной от рефлексии ученого философской (эпистемологической) картины жизни науки.

Специфика научных теорий состоит в наличии особой социальной программы – теоретического конструктора. Как считает Розов, «теория – это совокупность знаний, объединенная тем, что все репрезентаторы в пределах этой совокупности либо непосредственно строятся с помощью некоторого конструктора, либо получаются путем конструктивного преобразования изучаемых объектов и сведения их к объектам, уже изученным. Правила таких преобразований и образуют теоретический конструктор»²⁹. М.А. Розов выделяет три типа научных теорий: *инквизитные*, *эксковизитные* (от лат. *inquisivi*, *ex-quisivi*) и *квазиэксковизитные*.

В *инквизитных* теориях конструктор задан на множестве самих изучаемых объектов, что ограничивает возможности ученого и продуктивность самой теории, но часто бывает распространена в ситуации становления дисциплины или теории. В *эксковизитных* теориях конструктор задан на объектах иной, чем объясняемые, природы, за счет чего «изучаемые объекты первоначально описываются с точки зрения их функций, на базе функциональных репрезентаторов, а уже потом изобретается конструкция, способная объяснить их поведение»³⁰. Обычно этот тип теорий соответствует развитой форме науки и представляется как наиболее богатая и продуктивная по своим возможностям теория. И, наконец, *квазиэксковизитные* теории являются более слабыми версиями эксковизитных теорий: они хотя и строятся на «пересечении» разных традиций (их конструктор также задан на особых объектах, отличных от изучаемых ученым), но правила работы с объектами конструктора не имеют самостоятельного обоснования. М.А. Розов, вводя вышеуказанную типологию, задает содержание этапов развития научной дисциплины – от инквизитных теорий к эксковизитным.

В параграфе предлагается рассматривать представленную концепцию социальных эстафет как программу эпистемологического анализа науки, что предполагает рассмотрение следующих вопросов:

- *анализ строения научных знаний*: эстафеты референции и репрезентации;

экстралингвистических эстафет научного знания (нередко в референции именно экстралингвистические компоненты знания преобладают, что хорошо видно на примере использования карт в географии).

²⁹ Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 304.

³⁰ Там же. С. 322.

- *анализ специфики научных теорий*: тип теорий и совокупность образцов построения научных теорий (теоретический конструктор);
- *анализ наукообразующих программ* (исследовательских и коллекторских), а также *практики систематизации и обеспечения когерентности* научных знаний;
- *реконструкция роли внутринаучной рефлексии* ученых.

В следующих параграфах диссертации изложены результаты реализации этой эпистемологической программы для анализа особенностей строения знаний в психологии как науке.

Второй параграф «**Анализ психологического знания**» посвящен рассмотрению различных видов референтов психологических знаний. По мнению автора, эпистемологическую революцию в психологии совершил В. Вундт, создав и введя в научный оборот функциональные референты психологических знаний: *знаково-семиотические заменители* объекта изучения (сознания). В. Вундт кодифицировал тексты-описания и систематику сенсорных элементов сознания, возникающих в ответ на какой-либо стимул (свет, звук, вкус), а также организовал использование испытуемыми и экспериментаторами (за счет большого числа тренировок) этих шаблонных текстов-описаний в рамках процедуры «организованной интроспекции». Варьируя и усложняя сенсорные стимулы, Вундт изучал законы соединения получаемых элементов сознания друг с другом, выводя законы сознательной жизни. Сконструировав референты знаний для психологии, Вундт создал возможность полноценной науки и систематического производства научных знаний.

В дальнейшем найденный Вундтом способ задания референтов активно использовался, например, в типологии «акцентуированных черт личности» К. Леонгарда³¹, который в качестве референтов-заменителей предложил использовать тексты-описания, взятые из классических литературных произведений (Толстого, Достоевского, Гоголя, Шекспира, Сервантеса, Бальзака, Гёте, Стендаля), что по выполняемой *эпистемической задаче* аналогично описаниям элементов сознания Вундта.

Психологи также пытались использовать морфологические референты, т.е. *эталонные эмпирические экземпляры объектов изучения*, «приготовленные» для использования в психологических исследованиях и экспериментах. Например, в бихевиоризме Дж. Уотсона (микродвижения гортани как референт мышления), в необихевиоризме Э. Толмена (крыса в лабиринте), в рефлексологии И.П. Павлова (собака со вживленной фистулой).

Серьезную помощь научной психологии в поиске референтов оказала психиатрия и психоанализ, которые разработали ряд *функциональных*

³¹ Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Выща школа. 1989.

референтов для сложных объектов (большая личность). Ими стали «классические случаи лечения», описанные и введённые в научный оборот основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом. Эпистемологическая функция этих случаев-референтов состоит в том, чтобы представить в *отчужденной и стандартизированной форме* изучаемый психический феномен, сохранив его структурную и качественную сложность, а также возможность строить различные теории и объяснения (например, «случай Эллен Вест» позволил построить четыре разные версии объяснения случившегося – Э. Крепелина/Э. Блейлера; Л. Бинсвангера; Р. Мэя; К. Роджерса).

Психология обязана психоанализу еще и тем, что Фрейд создал *новый тип* референта психологических знаний – *методический референт*. Фрейд предложил на роль ключевого способа представления изучаемых психоанализом бессознательных процессов *запись сновидений человека*³². Сама запись сновидения мало что значила, референт появлялся в процессе процедурно организованного толкования сновидения.

Методические референты представляют объект изучения не через его материал (морфологию) и не через его функциональный заменитель (знаково-семиотическую конструкцию), а посредством *подробно описанной и стандартизированной процедуры (методики) получения искомого представления объекта*. Иными словами, психоаналитики изучают то, что получается в процессе применения методики толкования сновидений. При этом заранее сказать, что именно будет получено – нельзя, заранее известна только методика толкования снов. При этом методический референт *не находится в отношениях подобия или изоморфности* с представляемым объектом.

Методические референты нашли самое широкое применение в научной психологии – например, в стандартной схеме психологического исследования (в виде предварительного и итогового тестирования испытуемых). Набор психологических тестов и есть методический референт этих знаний: представляют объект исследования в пригодном для изучения виде в значительном числе исследований (около трети всех работ).

Другой пример методических референтов – использование аппаратов «айтрекинга» для изучения познавательных процессов: *запись произвольных и произвольных движений глаз испытуемых*³³ в процессе решения познавательных задач. Психологи используют описанный способ задания объекта изучения не через характеристики объекта, а через процедурно организованную методику получения искомого объектных характеристик. То же касается изучения явлений сознания средствами семантического дифференциала в относительно молодом направлении экспериментальной

³² Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Фирма СТД, 2005.

³³ Гиппенрейтер Ю.Б. Движение человеческого глаза. М.: МГУ. 1978.

психологии – психосемантики сознания³⁴. Применение достаточно сложной математизированной процедуры построения психосемантических полей по-новому открыло исследование явлений человеческого сознания, включая его экстра- и паралингвистические компоненты.

В параграфе показано, что задачу производства впрок методических референтов для психологии решают так называемые методические дисциплины: психометрия и психодиагностика, математическая статистика, психофизиология, биографический анализ, качественная социология.

В параграфе также рассмотрена специфика второй структурной части научных знаний – *репрезентатор психологических знаний* (целостный акт деятельности с используемым референтом). Показано, что функциональные и морфологические референты во многом определяют тип репрезентаторов. Вундт работал с шаблонными текстами-описаниями элементарных реакций испытуемых на сенсорные стимулы – это с неизбежностью заставляло использовать атомистические репрезентаторы.

Референты бихевиористов (крыса в лабиринте) ограничены основным событием – движением крысы из точки А в точку Б. Это событие интерпретировалось как целенаправленное поведение, соответственно, все, что удавалось выяснить при изменении условий этого движения, и воспринималось как содержание получаемых знаний.

Чтобы преодолеть ограниченность референтов психологических знаний, были созданы двухуровневые репрезентации: над непосредственными манипуляциями с морфологическим референтом надстраивается новый уровень – *абстрактных обобщений* (статистические закономерности, графики), которые в силу своей свободы от материала позволяют осуществлять перенос закономерностей на другие ситуации и другие объекты изучения. Яркий пример тому – закон Йеркса-Додсона, позволивший за счет математического графика перенести обнаруженную закономерность (зависимости успешности деятельности от уровня мотивации) с крыс на человека.

Иная ситуация с методическими референтами: они не предписывают психологу выбор какого-то определенного вида репрезентаторов, что гарантирует их широкое использование в научной психологии.

Проведенный анализ показал, что расцвет научной психологии в XX веке связан с появлением разнообразных референтов психологических знаний (морфологических, функциональных, методических) и последовательным «очищением» психологических знаний от следов морфологии объекта изучения.

В третьем параграфе «**Анализ психологических теорий**» автор обращается к анализу психологических теорий.

³⁴ Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.

В параграфе рассмотрена периферическая теория эмоций Джеймса-Ланге, в которой эмоция определяется как субъективная оценка и ощущения от физиологических состояний организма: «мы печальны, потому что плачем; боимся, потому что дрожим; радуемся, потому что смеемся»³⁵.

Конструктор из физиологии позволил определить объективные параметры и классифицировать различные состояния организма человека, а каждому такому состоянию приписать субъективное содержание (эмоцию). Эта *классификационная* теория, по мнению известного специалиста по психологии эмоций В.К. Вилюнаса, «стала своего рода образцом для большого числа альтернативных теорий, отличающихся лишь тем, какой именно физиологический процесс рассматривался главной детерминантой возникновения эмоций»³⁶.

Большинство современных когнитивных теорий познавательных процессов в эпистемологическом смысле реализуют образец теории Джеймса-Ланге. Только в когнитивной психологии на роль конструктора выбрана «компьютерная метафора»³⁷. Такие теории являются квазиэксquisiteными: их репрезентаторы заданы на «чужом» конструкторе из других дисциплин, но правила оперирования ими не имеют самостоятельного обоснования.

Другой тип теорий назван автором *псевдогенетическими*, так как в них речь идет о случае, когда параметры объекта изучения распределяются по временной шкале с выделением этапов или стадий. Примерами таких теорий являются: теории стадий психосексуального развития (З. Фрейд); теория психосоциального развития (Э. Эриксон); этологическая теория привязанности (Дж. Боулби); теория интеллектуального развития (Ж. Пиаже); теория развития ведущих психических функций (Л. Выготский); теория развития ведущей деятельности (Д. Эльконин).

Часть этих теорий определяют содержание периодов/стадий на материале изменений самих объектов теории (теория Боулби, теория Эриксона), и потому они являются *инквизитными*, т.е. их научно-теоретический статус оценивается как относительно невысокий (начальный), так как их содержание состоит в систематизации наблюдений за поведением объекта изучения.

Другие из этих теорий используют разнообразные репрезентаторы из других областей науки, но также не могут обосновать логику оперирования этими репрезентаторами, что и отличает их от подлинных эксquisiteных теорий. Например, теория психосексуального развития Фрейда в качестве

³⁵ Цит. по: Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: АСТ-Москва, 2009. С.170-171.

³⁶ Хрестоматия: Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: МГУ, 1984. С.26.

³⁷ *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. М.: Смысл, 2006.

конструктивной базы использует сведения биологии и физиологии, но действия с этими репрезентаторами (развитие сексуальных органов) подчиняются логике наблюдений Фрейда за характерами здоровых и больных людей. То же касается упомянутых теорий Выготского и Эльконина.

Псевдогенетические теории достаточно распространены в науке, но эта группа теорий в психологии имеет ряд особенностей: они подразумевают трансформацию стадий в структурную модель объекта изучения (психика взрослого человека). Поэтому «генетичность» этих теорий – кажущаяся, скорее, их следует отнести к классу структурных теорий, получивших псевдогенетическое обоснование. Такие теории позволяют проводить диагностику нарушений у взрослого человека: отсутствующая функция или продуктивный симптом указывают на нарушение в соответствующем уровне (стадии). Данные теории – одни из наиболее распространенных способов организации научных знаний в психологии, предоставляющие ученому возможность легко переходить к практическим действиям (переводя описания уровня в предписания по организации ситуаций или психопрактических действий).

В психологии также имеется небольшое число *факторных научных теорий*, предназначенных для объяснения эмпирического материала. Например, теория темпераментов И.П. Павлова позволила объяснить и структурировать давно известную систематику Гиппократа (холерики, сангвиники, флегматики, меланхолики). Павлов ввел в основание деления темпераментов динамические параметры нервной системы (высокая или низкая возбудимость, легкая или трудная тормозимость). Репрезентаторы этой теории заданы на внешнем для психологии конструкторе из неврологии, а правила оперирования ими определены логикой. Эти теории можно назвать *эксquisiteными*.

Другая проанализированная в параграфе эксquisiteная теория – теория раннего детского аутизма разработана создателем нового направления в психологической науке – психологии аномального развития – известным психологом В.В. Лебединским и его учениками^{38,39}. В описании аутизма входит основная триада симптомов: «экстремальное одиночество» (избегание контакта с людьми), стереотипные паттерны поведения, специфические нарушения когнитивной и речевой сферы. Однако долгое время в осмыслении феномена детского аутизма отсутствовало понимание механизмов заболевания.

³⁸ Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. М.: МГУ, 1990; Лебединский В.В., Лебединская К.С. Нарушения психического развития в детском и подростковом возрасте. М.: Трикста, 2011.

³⁹ Никольская О.С. Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. М.: МГППУ, 2008.

В.В. Лебединский сформулировал теорию раннего детского аутизма как одного из вида искаженного психического развития. В ядре этого заболевания было выделено сочетание двух факторов: нарушение активности ребенка (слабость психического тонуса и психической энергии) и снижение порогов аффективного дискомфорта (чувствительности) во взаимодействии со средой (болезненная чувствительность даже к простым сигналам – цвет, запах, звук). Сочетание этих, по сути, медико-биологических факторов объяснило формирование первичного дефекта заболевания (неспособность к контактам с людьми), который в сочетании с вынужденным уходом от общения приводит к формированию вторичного дефекта (сенсорная и эмоциональная депривация). Это, в свою очередь, формирует потребность в компенсаторной аутостимуляции ребенка-аутиста (стереотипные действия, покачивания, «привычная» аутоагрессия и т.п.). Такая теоретическая конструкция: два фактора плюс выделение первичного и вторичного дефекта – позволили объяснить большую часть симптоматики.

Использование репрезентаторов из биологии и отчасти из этологии⁴⁰, а также определение методологических принципов оперирования ими позволило создать эксклюзивную научную теорию аутизма.

Таким образом, в параграфе продемонстрировано, что в психологии идет последовательная работа по переводу инквизитных теорий в эксклюзивные. Анализ показал, насколько велика роль психоанализа, а также физиологии и медико-биологических практик (психиатрия, дефектология, нейрохирургия), для построения научных теорий в психологии.

В четвертом параграфе **«Анализ наукообразующих программ в психологии»** рассматривается специфика наукообразующих программ.

Исследовательские программы в психологии, как и в других науках, не привязаны к специфике изучаемого эмпирического материала и могут найти себе применение в совершенно неожиданных сферах. В параграфе рассмотрены примеры таких программ: экспериментальные планы Дж. Кэмпбелла и полиграф («детектор лжи») А.Р. Лурия.

Специфика науки задается ее коллекторскими программами, обеспечивающими систематизацию научных знаний. В качестве яркого примера такой коллекторской программы рассматривается случай нейропсихологии, когда МРТ-карты головного мозга стали универсальной коллекторской программой, собирающей и систематизирующей различные нейропсихологические знания (их роль для нейропсихологии аналогична роли географической карты для географии).

⁴⁰ *Tinbergen N., Tinbergen E. Autistic children: New Hope for a Cure. London, Allen & Unwin, 1984.*

Коллекторских программ в научной психологии в целом крайне мало, что фиксируется в форме перманентно осмысляемого кризиса оснований психологии и трудностей определения предмета психологии.

Проведенный анализ показывает, что основными программами систематизации знаний являются две сопряженные программы *относительной систематизации знаний* – история дисциплины и систематика психических процессов, обоснованная исторически. Существует и третья – таксономическая программа, организующая совокупность сведений вокруг относительно самостоятельных объектов изучения психологии (ребенок, взрослый, старик, больной, животное). Такая структура коллекторских программ продемонстрирована на примере традиционных и устоявшихся оглавлений классических учебников психологии: по истории психологии^{41,42,43,44}, общей психологии^{45,46}, патопсихологии^{47,48}, нейропсихологии^{49,50}, социальной^{51,52}, педагогической^{53,54}, возрастной психологии^{55,56}, зоопсихологии^{57,58}.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что качественное развитие психологии как науки, по сути, было заторможено из-за дефицита коллекторских программ. Имеющиеся три коллекторские программы не способны обеспечить единство и согласованность систем знания в психологии, так как они представляют собой «мягкие» версии коллекторских

⁴¹ *Ждан А.Н.* История психологии. От Античности до наших дней. М.: Академический проект: Фонд "Мир", 2005.

⁴² *Ярошевский М. Г.* История психологии. От античности до середины XX века. М.: Мысль, 1985.

⁴³ *Робинсон Д.Н.* Интеллектуальная история психологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

⁴⁴ *Хант М.* История психологии. М.: АСТ Москва, Харвест, 2009.

⁴⁵ *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1940.

⁴⁶ *Gilford J.P.* General psychology. NY: East-West Press, 1952.

⁴⁷ *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: МГУ, 1976.

⁴⁸ *Крепелин Э.* Введение в психиатрическую клинику. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2004.

⁴⁹ *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2003.

⁵⁰ *Несаен Н., Albert M.* Human Neuropsychology. N-Y., 1978.

⁵¹ *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1980.

⁵² *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.

⁵³ *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991.

⁵⁴ Handbook of educational psychology / Eds. Alexander, P.A. & Winne, P.H. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates.

⁵⁵ *Обухова Л.Ф.* Детская (возрастная) психология. М.: Российское педагогическое агентство, 1996.

⁵⁶ *Harris M., Butterworth G.* Developmental Psychology: A Student's Handbook. L.: Psychology Press Ltd., 2002.

⁵⁷ *Фабри К.Э.* Основы зоопсихологии. М.: МГУ, 1976.

⁵⁸ *Hinde R.A.* Animal behavior: A synthesis of Ethology and Comparative Psychology. N-Y: McGRAW-HILL Book Company, 1970.

программ. Организация знаний и дисциплинарное разделение психологии имеют архаичный характер и не способствуют аккумуляции научных знаний и плодотворной кооперации ученых.

В пятом параграфе «**Анализ рефлексии ученых-психологов**» автор анализирует и классифицирует образцы рефлексивного самоосмысления и самоописания ученых-психологов.

Основную массу рефлексивных текстов ученых-психологов^{59,60,61,62,63} можно подразделить на четыре большие группы по основному предмету:

- *Ситуация в науке*: одна из самых массовых типов рефлексий психологов посвящена оценке общей ситуации и различным формам социальной организации психологии;
- *Научные идеалы*: другая развитая традиция рефлексии психологов связана с оценкой идеалов научности в психологии;
- *Методы науки*: рефлексия психологов, посвящённая непосредственной специфике психологического мышления, конкретных приемов, понятий и интеллектуальных техник;
- *Факты науки*: самая малочисленная группа рефлексии психологов – анализ фактов и результатов психологических исследований на предмет объективности, воспроизводимости и прогностической силы.

По результатам анализа делается вывод о том, что рефлексия ученых-психологов есть результат либо описания содержания чужих методологических норм и идеалов научности (а также опыта самоописания на основе этих норм), либо результат вербализации непосредственных фрагментов деятельности ученого, опыта передачи знаний и навыков при подготовке кадров. Однако особенностью внутринаучной рефлексии психологов является общая направленность на обоснование научного статуса психологии, что имеет характер «стоп»-рефлексии и тормозит развитие психологии как науки.

В третьей главе «**Перспективы развития психологии как науки**» автор описывает проблемы систематизации знаний в психологии как науке и трудности построения целостных систем знаний.

⁵⁹ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

⁶⁰ Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.

⁶¹ Маланов С.В. Методологические и теоретические основы психологии. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2005.

⁶² Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Институт психологии РАН, 2010.

⁶³ Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.

В первом параграфе **«Проблема систематизации знаний в психологии»** автор приходит к выводу, что психология – это такая наука, где все описания могут быть трансформированы в предписания и обратно без потери содержания, что делает затруднительным систематизацию и обеспечение когерентности научных знаний. Поэтому систематизация знаний в психологии сосредоточена на контроле не содержания знания, а методической стороны его получения.

Из проанализированных типов научных теорий только факторная теория может претендовать на статус «эксquisiteй». Однако ее научная эффективность ограничена слабостью инфраструктуры производства знаний, в частности, не развитостью практического конструктора, в рамках которого обозначаются ситуации употребления научных теорий.

По мнению автора, возможные способы преодоления вышеназванных трудностей состоит в следующем:

- продолжить поиск референтов психологических знаний, которые позволили бы проводить более жесткую политику по систематизации знаний;
- целенаправленно развивать инфраструктуру производства научных знаний: библиотеки и музеи референтов, информационный рынок, институты экспертизы и верификации открытий.

Во втором параграфе **«Трудности построения целостной системы знаний в психологии как науке»** автор формулирует ряд затруднений при построении систем психологических знаний:

Самоорганизация психолога и способы проведения мыслительной работы отстают от возросших требований современной науки. Сама психология имеет нечеткую дисциплинарную организацию (разделение на практические и теоретические дисциплины, а также на таксономические, методические и общепсихологические дисциплины), что не стимулирует межотраслевую кооперацию ученых-психологов. Психологи по-прежнему ориентированы на самооправдание научного статуса психологии в кругу философии и естественных наук («стоп»-рефлексия). Философия и методология науки не рассматривают психологию как перспективную зону приложения своих сил, объект оказания интеллектуальной помощи.

Проведенный в параграфе анализ позволяет автору сформулировать варианты преодоления этих проблем:

- установка на смену неэффективных образцов научной рефлексии;
- освоение техник, норм и правил логического мышления, понятийной работы, корректной классификации и типологизации эмпирического материала на уровне общепсихологической подготовки психолога;
- запуск совместно с философами и эпистемологами разработки проектов создания целостных систем знания в психологии как науке.

В **Заключении** диссертации «**Особенности строения знаний в психологии как науке**» автор формулирует основные выводы и результаты исследования.

Публикации по теме диссертации:

1. Проблема неявного знания при подготовке научных кадров // Высшее образование в России. 2012. №12. С.119-125 – 0,7 а. л.
2. Эпистемологический анализ психологии как науки // Современные проблемы науки и образования [Электронный журнал]. 2012. № 6 (44). – 0,8 а. л.
3. Психология в оптиках философского анализа // Вопросы философии (принято в печать) – 1,0 а. л.
4. Психология в оптиках философии науки // Материалы VI Российского философского конгресса «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 томах. Н. Новгород: НГУ, 2012. Том 1. С. 299-300. – 0,05 а. л.
5. Особенности строения знаний в психологии как науке (тезисы) / Материалы круглого стола «Формирование исследовательских оптик в философии науки» // Материалы юбилейной конференции: «Философия и парадигмы современной науки» (15-16 декабря 2011 г.) / под ред. В.В.Миронова, Е.В. Брызгалиной, А.П.Козырева, В.И.Маркина; Сост. П.Н. Костылев. [Электронный ресурс]. М.: Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. С.14 – 0,05 а. л.
6. Особенности строения и организации знаний в психологии как науке (тезисы) // Материалы III Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации», г. Москва, МИРЭА, 11–13 ноября 2009 г. / Под ред. Д.И. Дубровского и Е.А.Никитиной. М.: «Связь-Принт», 2009. С. 408-410. – 0,01 а. л.